

Иерей Николай БЛОХИН, лауреат Патриаршей премии 2016 г.

Травка

Рассказ

Закрывать решено было так, чтоб не просто закрытие получилось, но идеологическое торжество, чтоб поняли жалкие остатки последних местных богомольцев всесильную беспощадность закрывающей силы: именно в Рождество закрыть Рождественский храм — последний в районе враждебный островок уже повсеместно уничтоженной поповщины. Для пущего же торжества и кресты решено было сбросить. Самый куражистый и самый молодой из закрывателей — студент Яша — выкрикивал с хохотом:

— Сам петли на кресты одену. И никакой молнией за то не убьёт меня ваш Бог, потому как нету Его!... Я зато есть! А это значит, ни одного креста на земле не останется.

— А не слипниси? Много таких было, — проворчал один худенький облезлый дед и сам своего ворчания испугался под огненным Яшиным взглядом.

— Не, не слышу, — весело отвечал Яша. — Таких, говоришь, много было? Таких не было. Я вам возрожду пятилетку безбожия!

Яша приехал на зимние каникулы к своей бабке, учительнице местной школы, которая тоже была в числе инициаторов закрывателей, но даже её, а также и всех местных идеологических вождей поразила Яшина рьяность. Ждали подъёмный кран с выдвижной стрелой, чтоб на кресты тросы накинуть, но рьяный Яша решил не ждать, решил сам лезть. И полез, не слушая никаких отговоров. Уж больно сильно захотелось и Бога несуществующего уесть, и доблесть свою показать. А дело было нештучное: пятиглавый храм высоченный, стены обледенелые, погода слякотная, ветреная. Уже скоро, стоя ногами на барельефной надвратной иконе, он понял всю серьёзность дальнейшего пути, но назад хода не было (лучше свалиться, чем осрамиться).

— Любой ценой, мёртвым, но доберусь до крестов, — твёрдо и грозно проскрежетало по его извилинам. — Раз сказал — таких не было, — буду таким, каких не было.

Взгляды толпящихся сельчан чувствовала его спина, будто удары плёток. Они подхлестывали его остервенелое воодушевление и толкали вперёд. Каждое движение профессионала скалолаза было точно, спокойно, расчётливо и вдохновенно.

Добравшись так до основания из малых куполов, Яша остановился и глянул вниз. Высоты он никогда не боялся, а тем более такой высоты — всего-то с восьмизатный дом. И страха падения не было, хотя в этом случае гибели не избежать. Уже полз по слякотному бездорожью ожидаемый кран, краем глаза он видел его. Самое разумное было продержаться вот так до того, как выдвижная стрела с люлькой будет рядом. Так подсказывал разум.

Но одержимость гнала вверх. Это странное воодушевление, ощущаемое им физически, вдруг взрывом заполнило его волю, напрочь вышвырнуло разум и повластно командовало теперь сознанием. Сияющий над головой крест отчего-то растревлял рвавшееся это воодушевление до состояния бешенства. Яша готов был уже прыгнуть к кресту, хоть от воздуха оттолкнувшись, и вцепиться в него зубами. И вместе с ним вниз рухнуть, плевать на гибель. Что такое, какая-то там гибель, если — вон он! — сияет растревливающим своим светом. И нету жизни и покоя, пока сияет этот свет. Прыгнуть не прыгнул Яша, но движение роковое телом сделал — соскользнули ступни с уступчиков, ушла опора из-под ног. И пальцы на руках разжались, тоже свой уступчик выпустили. Мелькнул перед глазами пучок серо-жёлтой высохшей травки, торчащей из щели меж двух кирпичей. Обе руки судорожно уцепились за пучок в безнадёжном

жалком порыве. Вернулся-таки, прилетел инстинкт самосохранения, и он с ужасом понял реальность гибели: сейчас с травкой этой руках он полетит вниз. Но травка — держала.

Он шарил, болтал ногами и, наконец, нащупал новые уступчики. Замер так, обалдело таращась на травку — сейчас оторвётся. Но она не отрывалась. Едва не вскрикнул от лёгкого толчка в спину, оказалось — люлька подплыла на выдвижной стреле. Мёртвой хваткой схватился за люльку, встал на платформу. Пучок травки легко выскользнул из щели меж кирпичей, когда он, уже на платформе стоя, двумя пальчиками без усилий потянул за него. И надолго застыл так Яша, глядя на

травку. И не чувствовал, и не видел, что люлька поднимает его к кресту.

Качнулась люлька, остановившись, очнулся Яша. Перед его глазами сиял золотой крест, на который ему следовало накинуть петлю. Ожившее бешеное воодушевление пыталось новым взрывом овладеть сознанием, но взрыва не получалось. Ёжились оно, таяло от бывшего в глаза сияния креста, рассыпалось от дрожи пальцев, сжимавших пучок травки. Что-то кричали ему снизу, но он не слышал что. Наконец, люлька пошла вниз. Пустым, невидящим взглядом смотрел перед собой Яша, когда вытаскивали его из люльки, трясли, ощупывали, чего-то говорили.

— Да шок у него, нервный шок, — суегились вокруг него бабка. — Сейчас, сейчас пройдёт. Чего это ты держишь-то?

— Травка, — сказал Яша и взгляд его осмыслился, — травка... — повторил он и засмеялся.

— Чего травка, какая травка, почему травка?

— Вот, — Яша разжал пальцы, — я зацепился там за неё, потому и жив.

Бабка сосредоточилась взглядом на пучке. Местный идеолог также соизволил уставиться на травку.

— Но этого не может быть! — сказала бабка.

— Не может, — ответил Яша, — но я жив, вот он я.

«Я есть», — вдруг вспомнился свой недавний, яростный вдохновенный восклик. Точно стало почему-то от этого воспоминания.

— Ну и слава Богу, что жив, — сказал местный идеолог.

Вздрыгнул Яша и перевёл взгляд на идеолога.

— Как? Как вы сказали? А вы понимаете, что вы сказали?

бабкиных глазах, что живо и в нём, страшное и могучее, тащит, несёт его вверх, чтобы петлю на кресты...

— Ну, — сказал тут идеолог, — пора кончать. Залезай, одевай петли, будем сбрасывать.

Сияющие на солнце кресты глядели на Яшу будто в ожидании. Так ему показалось. Будто и сам воздух вокруг отвердел в ожидании его решения. «Да, одену сейчас петли, потянем — и всё. И молнией не убьёт. И вообще ничего не будет. Ничего. Ничего?..»

Яша живо себе представил, как он вылезает из люльки, как тросы натягиваются... И тут он отчётливо понял, что не сможет он тогда жить. Вот не сможет — и всё, невозможна будет жизнь. И непонятно сейчас, отчего так, ну, подумаешь — травка, да была ли она вообще, травка-то, выпала из пальцев, будто не было... «Я есть!.. А... а зачем я есть? Чтобы кресты с храмов стаскивать? Я ногами по Их головам, а Они мне...» Одна травинка осталась в руке, чувствуется...

— Ну, вот что, — сказал Яша. — Все вон отсюда пошли. С краном вместе. Не будет закрытия...

— Ой, да он ли это сказал? Яшенька ли рьяный это сказал? — бабка со страхом попятилась от него. — Да он болен, с ума сошёл! Яшенька, опомнись!

— Опомнись, — сказал Яша.

Идеолог внимательно поглядел на него, ухмыльнулся спокойной горьковатой ухмылкой:

— Горя-яч... Всё решил? Бы-было у меня уже такое. Ну-ну, твоя воля.

Когда отступили закрыватели, Яша вошёл в храм. Огляделся. Всё было уже вывешено, вынесено, содрано, большая часть штукатурки с росписями отбита. Сам и отбивал кувалдой. Он подошёл к тому месту, где почти не отбилось почему-то, сколько не долбил он тогда, надпись только повредилась. Вгляделся в нарисованное и стал читать повреждённое. Изображён был какой-то молодой поверженный человек с выколотыми глазами, отрубленными ногами и руками. «Иаков Персиянин» — с трудом прочёл Яша на нимбе вокруг головы поверженного. «Иаков... Иаков?... И я — Яков!..». Вгляделся пристальнее, напрягся и прочёл. Поверженный Иаков зывал к Господу, сокрушался, что нету ног у него, чтобы преклонить перед Ним колена, нету рук у него, чтобы поднять их к Небу, что не имеет глаз он, чтобы взглянуть на Него, но он благодарит Его за всё и просит не наказывать своих мучителей, ибо не ведают, что творят. «И я его — кувалдой по глазам...».

Яша перевёл взгляд на купол, в вышину, куда был обращён лик безглазого человека Иакова. Скорее догадался, чем узнал Яша Того, Кто глядел на него с высоты. Раз в жизни до этого был Яша в храме, вот в этом самом, позавчера, с кувалдой. И сейчас можно ещё обозвать Его, даже бросить в Него чем-нибудь, на неотбитую роспись плюнуть, кувалду взять. И не убьёт в ответ молнией. И ничего в ответ не будет. Ничего?

Ожидали глаза Лика с вышины. Билось, рвалось наружу из дальних недр сознания то могучее и страшное, разумом не охватываемое, что на стену недавно гнало. И то, что излучали из себя и к чему звали глаза с вышины, тоже разумом не охватывалось. Яша снова глянул на Иакова-мученика. Везде и всегда и во все времена были мученики за идеи. Но такого, как вот этот, не может быть ни у какой идеи. Не может нормальный человек, разумом наделённый, которому руки-ноги отрубили, глаза выкололи, мучают зверски, не о ногах-руках-глазах, не о боли сокрушаться, а... что на колени не может стать перед Тем, за Кого и получил он все это. Да ещё чтоб му-